

Сторожевые велиганы,
Гнѣздились стаи облаковъ,
И вѣчно роющее море
Гуляло мирно на просторѣ
Между высокихъ береговъ.

О море, море! Какъ прекрасны
Въ блестящій день и въ день ненастный
Его и ревъ, и тишина!
Покрыта бѣлыми кудрями,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена;
И, какъ царица молодая,
Течетъ одна между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ.
Не слушая, не понимая.

Какъ я люблю съ давнишнихъ поръ
Слѣдить ихъ буйныя движенья
И толковать ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья!
Люблю упорный этотъ бой
Съ суровымъ небомъ и землей,
Люблю безлечность ихъ свободы,
Цѣпей не знавшей никогда,
Ихъ безконечные походы,
Богъ вѣсть, откуда и куда.
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы
И бесполезный этотъ шумъ.
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ гроба и безъ колыбели,
Безъ мукъ, безъ счастья, безъ цѣли.
Между прибрежныхъ дикихъ скалъ
Былълецъ эдема пролетать;
Онъ взоръ, исполненный презрѣнья,
Вперилъ на грѣшный мѣръ земной,
И зрить въ туманѣ отдаленья
Верхи обители святой.
У стѣнъ ея, прохлады полны,
Однообразно шепчутъ волны,
Кругомъ ея густыхъ деревь
Сплелись кудрявыя вершины,
И кое-гдѣ изъ ихъ середины,
Стремясь достать до облаковъ,
Встаютъ, бѣлая, остовъ длинный
Зубчатой башни, и надъ ней,
Символъ спасенія забвенный,
Чернѣетъ ржавый крестъ, нагбенный
Усилятся бури и дождей,
Межъ бѣдныхъ келий храмъ огромный,
Едва, сквозь длинное окно,
Глядитъ лампады лучъ нескромный;
Внутри все спитъ, давнымъ-давно
Все вкругъ таинственно темно.

Вотъ одинока и красна
Встаетъ двурогая луна,
И въ усиленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель. —
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобно звуку лютни, внемлетъ

И чей-то голосъ... Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело. Онъ хочетъ прочь тотчасъ;
Его крыло не шевелится,
И чудо! — изъ померкшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится.
Понявъ возлѣ келий той,
Насквозь прожженный, виденъ камень,
Слезой жаркою, какъ пламень,
Не человеческой слезой.

Какъ много значилъ этотъ звукъ,
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышлений
О настоящемъ и быломъ: —
Все разомъ отразилось въ немъ;
Къ чему? одной минутой рай
Не оживетъ: душа пустая!
Безсилно свѣтлый лучъ зарп
На темной тулѣ не горитъ;
Тебѣ вѣдь съ ней не подружиться,
Ей ждать нельзя, она умчится,
Она громовою стрѣлой
Затмитъ покровъ твой золотой.

Проникнуть въ келью духъ смущенный,
Минуя образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ;
Въ углу — изъ мрамора Мадонна,
Лампада мѣдная надъ ней,
На головѣ ея корона
Изъ розъ душистыхъ и лилей;
У стѣнки дѣвственное ложе;
Луна, смѣясь, въ окно глядитъ,
А у окна... Веселый Божел —
Что съ нимъ? Онъ мѣлетъ, онъ дрожитъ!
По струнамъ лютни ударяя,
Предъ нимъ, озарена луной,
Въ одеждѣ черной власной,
Была монахиня младая.
Она сидѣла передъ нимъ,
Объята жаромъ вдохновенья,
Мила, какъ первый херувимъ,
Какъ звѣзды первыя творенья.
Въ большихъ глазахъ ея порой
Невнятно говорило что-то
Невыразимую тоской,
Неизъяснимую заботой,
Полузакрыты уста
Живые изливали звуки;
Въ нихъ было все: моленья, мукъ,
Слова надеждъ, слова разлуки,
И дѣтскихъ мыслей простота.
И грудь высоко воздымалась,
И обнаженная рука
Бѣлѣй, чѣмъ утромъ облака,
Къ струнамъ, какъ вѣтеръ, прикасалась.
Клянусь святыней гробовой,
Лучемъ заката и востока,
Властитель Персїи золотой